
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

И. А. ГОБОЗОВ

ГЕГЕЛЬ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В творчестве Г. В. Ф. Гегеля большое место занимает философия истории. В статье приводится гегелевская характеристика прежних историографических течений, а затем анализируется его собственная философия истории. Гегель глубоко убежден в том, что философия истории должна заниматься исследованием всемирно-исторического процесса, который совершается в духовной сфере. Так как в мире господствует разум, то развитие этого процесса носит разумный характер. Разуму Гегель приписывает такие признаки, как субстанция, бесконечная мощь, бесконечное содержание, истина, действительность, необходимость, закономерность. Конечной целью всемирной истории является свобода. Задача философии истории заключается в том, чтобы познать, как осуществляется прогресс в его необходимости. Философия истории показывает, как народы и государства стремились к свободе, как ради нее в течение долгого исторического времени приносились всевозможные жертвы.

Ключевые слова: философия истории, духовная сфера, разум, субстанция, необходимость, закономерность, свобода, диалектика, преемственность в истории, великие люди в истории, государство.

One of the main roles in the works of Hegel has the philosophy of history. The article presents the Hegelian characterization of the previous historiographic trends, and then analyzes his own philosophy of history. Hegel is deeply convinced that the philosophy of history must deal with the study of the world-historical process that takes place in the spiritual sphere. Since the world is dominated by reason, the development of this process is reasonable. There are some attributes that Hegel refers to the reason (mind) such as substance, infinite power, infinite content, truth, reality, necessity, regularity. The ultimate objective of world history is freedom. The task of the philosophy of

Философия и общество, № 4 2017 5–19

history is to know how progress is being made in its necessity. The philosophy of history shows how nations and states aspire to freedom, how for a long historical time all kinds of sacrifices were made for this freedom.

Keywords: *philosophy of history, spiritual sphere, reason, substance, necessity, regularity, freedom, dialectics, continuity in history, great people in history, state.*

Большое место в творчестве великого немецкого философа Г. В. Ф. Гегеля занимает философско-историческая проблематика. Гегель читал лекции студентам Берлинского университета, которые были опубликованы после его смерти в 1831 г. профессором Э. Гансом (1837 г.), а затем сыном философа К. Гегелем (1840 г.). Философско-исторические проблемы ученый затрагивал и во многих других своих произведениях («Философия права», «Философия духа», «Наука логики», «Феноменология духа» и др.).

Известно, что термин «философия истории» был введен французским просветителем XVIII в. Вольтером. Он считал, что историк должен не просто описывать политические и военные события и тем самым свести весь многообразный исторический процесс к политике, к деятельности королей и военачальников, а философски истолковывать и осмысливать исторический процесс, рефлексировать над его бытием. Эту идею Вольтер реализовал в написанных им исторических трудах, в частности в своей двухтомной работе «Век Людовика XIV». В этом огромном сочинении французский философ дает широкую панораму эпохи «короля-солнца». Он изображает не только политическую деятельность Людовика XIV, но и нравы, искусство, литературу, финансы, религиозные учреждения, анализирует состояние художественной литературы и т. д. Вольтер считает, что благодаря успехам наук, искусств и литературы «французский язык стал тем языком, на котором можно легко, ясно и изящно обсуждать все сюжеты разговоров знатных людей. Тем самым он во всей Европе вносит свой огромный вклад в приятные стороны жизни» [Voltaire... 1966: 60].

Хотя термин появился в XVIII в., философско-исторические проблемы волновали многих мыслителей начиная с Античности. Гесиод, Лукреций, Августин Блаженный и другие пытались осмыс-

лить исторический процесс, найти движущие силы его развития и изменения.

В Новое время философия истории оказалась в центре внимания многих историков и философов. И. Г. Гердер написал обширный труд «Идеи к философии истории человечества», в котором дается широкая панорама всей мировой истории. Как он пишет, его интересовала наука, которая описывала бы всю историю человечества с момента его зарождения. В качестве такой науки для Гердера выступает философия истории. И он создал философско-историческое произведение, сыгравшее важнейшую роль в становлении философии истории как особой дисциплины.

Великий немецкий философ, выдающийся представитель классической немецкой философии Г. В. Ф. Гегель внес огромный вклад в философию истории, в исследование диалектики развития исторического процесса, в изучение деятельности великих исторических личностей.

Всю историографию Гегель разделил на три вида: 1) первоначальная история; 2) рефлексивная история; 3) философская история.

1) Представители первоначальной истории, к которым немецкий философ причисляет Геродота и Фукидида, излагали исторические события, свидетелями которых были сами. Содержание трудов таких историков пространственно ограничено, так как излагалось то, что их окружало и что они сами видели. Здесь историк «не прибегает к рефлексии потому, что сам духовно сжился с излагаемым им предметом и еще не вышел за его пределы...» [Гегель 1993: 58]. Он, как, например, Фукидид, приводит речи государственных деятелей, которые, скорее всего, не были произнесены ими, но в них «выражается не чуждое им сознание, а их собственная культура» [Там же: 59]. Они «высказывают максимы своего народа» [Там же].

Фукидид не просто описывает историю, в данном случае историю Пелопоннесской войны, но и рефлектирует над этой историей, пытается выяснить причины и мотивы войны между собой двух греческих полисов. Поэтому Фукидид был не только историком, но и философом истории. Кстати, этого не отрицал Гегель. А крупный французский философ XX в., основоположник критической фило-

софии истории Р. Арон в своей книге «Измерения исторического сознания» целую главу посвятил Фукидиду. Фукидид, как пишет Арон, непосредственно не занимался такими сугубо философскими историческими проблемами, как детерминизм, разум в истории и т. д., но во всем его повествовании речь идет именно об общих для философии истории и исторической науки проблемах. «Фукидид, – отмечает он, – не занимается необходимостью и случайностью как таковыми, он не разрабатывает вероятностные суждения, которым Макс Вебер придает строгую форму. Но само его повествование пронизано этой полярностью: то отрицание, то утверждение. Каждое размышление, насыщенное этими рассуждениями, нам напоминает о том, что говорят люди и что решает собрание, состоящее из людей. Состязание в речах, которые воспроизводит историк, символизирует, так сказать, нерешительность судьбы и роль разума» [Aron 1961: 150].

2) В рефлексивной истории изложение материала уже не связывается с участием историка в описываемых событиях. Эту историю Гегель разбил на определенные подвиды:

а) *Всеобщая* история, когда дается обзор всей истории какого-нибудь народа, государства или мира. Здесь главной задачей исследователя является изложение материала с точки зрения собственного духа. Он должен иметь определенные принципы, служащие ему в качестве методологии анализа материала. Историк прибегает к абстрактным формам рассмотрения исторических процессов и феноменов. Г. В. Ф. Гегель одобряет такую форму изложения всеобщей истории.

б) *Прагматическая* история, когда описание прошлого ведется с позиции настоящего. События, отмечает Гегель, различны, но в них есть нечто общее и внутреннее. Благодаря прагматическим рефлексиям рассказы о прошлом наполняются современной жизнью. Гегель не против того, чтобы извлекать из прошлого положительные уроки. «Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» [Гегель 1993: 61].

в) *Критическая* история. В данном случае, по выражению Гегеля, излагается не сама история, а история истории, дается оценка исторических трудов, а также устанавливается их истинность и достоверность.

г) *Переходная* стадия к философии истории, когда исследователь при изложении материала руководствуется некоторыми общими философскими принципами.

3) Философская история, или философия истории, «означает не что иное, как мыслящее рассмотрение ее» [Гегель 1993: 63]. Г. В. Ф. Гегель сразу же заявляет, что «*всемирная история* совершается в духовной сфере» [Там же: 70]. И, исходя из своего основополагающего тезиса о господстве разума в мире, подчеркивает, что всемирно-исторический процесс совершается разумно. «Разум есть *субстанция*, а именно – то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие...» [Там же: 64]. Разуму Гегель приписывает такие признаки, как бесконечная мощь, бесконечное содержание, истина, действительность, необходимость, закономерность.

Гегель выдвинул тезис: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» [Его же 1990: 53].

Этот тезис, как он пишет, был неправильно понят, и поэтому философ решил его разъяснить в «Энциклопедии философских наук». «Эти простые положения, – отмечает Гегель, – многим показались странными и подверглись нападкам даже со стороны тех, кто считает бесспорной свою осведомленность в философии и, уж само собой разумеется, также в религии. Ссылаться в этом отношении на религию излишне, так как в ее учении о божественном миропорядке вполне определенно содержатся эти положения. Что же касается их философского смысла, то мы имели право предполагать, что критики настолько образованны, чтобы знать не только то, что бог действителен, что он есть наидействительнейшее, что он один только истинно действителен, но в отношении формальной стороны этих положений также и то, что наличное бытие (Dasein) представляет частью *явление* и лишь частью действительность. В повседневной жизни называют *действительностью* всякую причуду, заблуждение, зло и тому подобное, равно как и всякое существование, как бы оно ни было превратно и преходяще. Но человек,

обладающий хотя бы обыденным чувством языка, не согласится с тем, что случайное существование заслуживает громкого названия действительного; случайное есть существование, обладающее не большей ценностью, чем *возможное*, которое одинаково могло бы и быть и *не быть*» [Гегель 1974: 89–90]. Действительность, продолжает немецкий философ, отличается не только от случайного, но и от наличного бытия, вообще от существования.

Глубоко диалектическую интерпретацию этого гениального тезиса дает Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Прежде всего он подчеркивает, что Гегель в данном случае понятие разума соотносит с понятием необходимости: разумно то, что необходимо, и наоборот, необходимо то, что разумно. «...Необходимое оказывается, в конечном счете, также и разумным, и в применении к тогдашнему прусскому государству гегелевское положение означает, стало быть, только следующее: это государство настолько разумно, настолько соответствует разуму, насколько оно необходимо» [Маркс, Энгельс 1961: 274]. Однако, продолжает Энгельс, действительность не есть нечто вечное. Она со временем может превратиться в недействительность. «Место отмирающей действительности занимает новая, жизненная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, – насильственно, если оно противится этой необходимости» [Там же: 275].

По мнению Г. В. Ф. Гегеля, философия истории должна рассматривать историю в том виде, в каком она существовала, должна изучать факты и события и не допускать априорных вымыслов. И чтобы получить истинные знания, разум должен постоянно размышлять, а не бездействовать.

Таким образом, главным принципом всемирной истории Гегель объявляет разум.

Другим принципом является поиск конечной цели, и в качестве таковой выступает свобода. Поэтому можно сказать, что всемирная история «является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому, как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю» [Гегель 1993: 71]. Окончательный вывод Гегеля: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [Там же: 72].

Философия истории, продолжает немецкий философ, показывает, как народы и государства стремились к свободе, как ради нее в течение долгого исторического времени приносились всевозможные жертвы. Вместе с тем она рассматривает средства достижения свободы. С этой целью она скрупулезно изучает действительную историю людей, действия которых вытекают из их потребностей, страстей и интересов, играющих доминирующую роль. Кроме того, задачей философии истории является и выяснение, как сам Гегель выражается, того материала, в котором осуществляется разумная цель. Таким материалом оказывается субъект со своими потребностями. Но он живет в том или ином государстве, и поэтому государство тоже должно находиться в центре внимания философии истории, хотя подробное изложение государства должно даваться в философии права.

Гегель-диалектик настаивает на том, чтобы философский анализ всемирной истории руководствовался принципом развития. Исторический процесс, подчеркивает он, диалектичен, и философия истории тоже должна рассматривать его диалектически, показывать в движении и развитии. Вот как об этом пишет сам Гегель: «Если мы теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими» [Гегель 1993: 119].

Все, что происходило в истории человечества, Гегель обозначает понятием «*изменение* вообще». Когда люди видят античные развалины, то ими овладевает грусть. Но философ пишет, что не следует особенно грустить, потому что «ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь» [Там же: 120].

Диалектический подход к развитию исторического процесса позволяет выделить в этом процессе определенные стадии, ступени и типы. Г. В. Ф. Гегель считает, что «всемирная история есть вообще проявление духа во *времени*, подобно тому, как идея, как природа, проявляется в пространстве» [Там же: 119]. Но это он связывает с географической средой, хотя «связь духа народа с приро-

дой есть нечто внешнее, но, поскольку мы должны рассматривать ее как ту почву, на которой совершается развитие духа, она по существу и необходимо оказывается основой» [Гегель 1993: 126]. Гегель предупреждает, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение природы, что естественной местностью можно интересоваться лишь в том смысле, что она находится в тесной связи с характером и типом народа. Философ останавливается на географической картине мира, на его делении на Старый и Новый Свет, затем характеризует каждый континент с точки зрения климатических условий и делает вывод: «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало» [Там же: 147].

Г. В. Ф. Гегель делит историю человечества на четыре мира: на Восточный мир, куда входят Китай, Индия, Персия, Сирия, Египет и т. д., на Греческий, Римский и Германский.

Восточный мир, пишет Гегель, есть **детский** возраст истории. Довольно интересно сравнивает немецкий философ Восток с Западом. На Востоке «восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние» [Там же]. Иначе говоря, на Востоке восходит природное солнце, а на Западе – духовное.

На Востоке, продолжает Гегель, царствует деспотизм и свободным чувствует себя только деспот. Люди вращаются вокруг одного центра, то есть властителя, который стоит во главе государства как патриарх. Он требует от всех граждан соблюдать существующие предписания. Патриарх является субстанцией, которой все принадлежит.

В Восточном мире, по мысли Гегеля, наблюдается противоречивая историческая картина, имеющая пространственный и временной характер. С одной стороны, можно видеть государство, занимающее огромное пространство, подчиняющее себе людей предписаниями, наказанием, увещанием и т. д. и поддерживающее устойчивый порядок. Но, с другой стороны, этой пространственной прочности и противостоит форма времени, то есть, не изменяясь пространственно, государства подвергаются бесконечным изменениям по отношению друг к другу. Они воюют между собой,

что приводит их к скорой гибели. Но Гегель считает, что эта история не есть действительная история, так как в ней ничего нового нет, а есть повторение одних и тех же процессов.

Греческий мир – это период **юности**, когда формируются индивидуальности. Гегель с восторгом пишет: «У греков мы сразу чувствуем себя дома, потому что мы находимся в сфере духа...» [Гегель 1993: 253]. В Греческом мире «происходит сочетание нравственной и субъективной воли или существует царство *прекрасной свободы*, так как идея сочетается с пластичной формой: она еще не существует абстрактно для себя, с одной стороны, но непосредственно сочетается с действительным, подобно тому как в прекрасном художественном произведении чувственное носит отпечаток духовного и является его выражением» [Там же: 150].

Немецкий философ не жалеет красок для изображения Греческого мира. Здесь, по его словам, царствуют действительная свобода индивида, истинная гармония, мир и согласие. Индивидуальная воля субъекта придерживается обычаев, привычек, общепринятых норм и законов.

На Востоке существуют две крайности: с одной стороны, субстанциональное начало (властитель), а с другой – индивидуальность. В Греческом мире они соединены, хотя полны противоречий.

Римский мир – это период **возмужалости** истории. Он «характеризуется не подчинением произволу господина и не собственным прекрасным произволом, но служит общей цели, причем индивидуум исчезает и достигает своей личной цели лишь в общей цели. Государство начинает абстрактно обособляться и обращаться в цель, в достижении которой и индивидуумы принимают участие, но не всеобщее и не конкретное» [Там же]. Индивидуум приносится в жертву во имя достижения общей цели. Этим римское государство отличается от афинского, в котором царствовали индивиды. В Риме они порабощены, но тем не менее становятся юридическими личностями как частные лица, и в этом смысле они чувствуют себя не просто индивидами, а личностями. В Риме господствует абстрактная свобода, ставящая государство и политику выше любой индивидуальности, но вместе с тем создается свободная личность, отличающаяся от индивидуальности.

В Греции, пишет Гегель, в политической жизни преобладала демократия, на Востоке – деспотизм, в Римском мире – аристократия. В Греции внутри демократических структур идут борьба, раздоры, споры и т. д. В Риме же борьба шла из-за принципов: аристократия боролась с царями, плебеи – с аристократией, пока демократия не достигла господствующего положения.

Германский мир – это период **зрелости**. «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма» [Гегель 1993: 361]. Германский народ, по убеждению его представителя, призван хранить христианские принципы духовной свободы и примирения. Дух в Германском мире достигает полного расцвета и зрелости. Венцом и вершиной развития всемирной истории для Гегеля является прусская монархия. И в этом ничего удивительного нет, ибо, во-первых, Гегель был немцем, во-вторых, он был патриотом своей Родины и, в-третьих, он был сторонником монархии.

Важное место в философии истории Г. В. Ф. Гегеля занимают проблемы государства. По его утверждению, «государство как действительность субстанциальной *воли*, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном *самосознании*, есть в себе и для себя *разумное*. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая *обязанность* состоит в том, чтобы быть членами государства» [Его же 1990: 279]. Если, пишет Гегель, смешивать гражданское общество и государство и думать, что последнее должно обеспечивать защиту собственности и личной свободы каждого, то может оказаться, что люди объединились во имя своих интересов и, следовательно, в зависимости от собственного желания можно быть или не быть членом государства. Гегель предупреждает против такого смешения. Государство, считает он, есть субстанция, и индивид обладает истиной и нравственностью лишь потому, что он является членом государства.

Таким образом, с точки зрения Гегеля, необходимо представить государство как объективный дух, как мыслимое понятие, не име-

ющее непосредственного отношения к действительному государству. «Что же касается того, каково же или каково было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т. д., как постигалось сознанием и утверждалось в нем то, на чем основаны такие права, как божественное или позитивное право, договор, обычай и т. д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему...» [Гегель 1990: 280]. Теория происхождения государства, продолжает Гегель, исходящая из того, что государство возникло в результате взаимного договора людей между собой, уничтожает божественный дух, величие и авторитет государства. Он, конечно, этим недоволен и еще раз подчеркивает, что государство есть нравственное целое и осуществление свободы. «...Государство – это шествие Бога в мире, его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога» [Там же: 284]. Значит, сущность государства проявляется не в действительности, не в конкретных государствах, а в идее, в разуме, в воле. Гегель-идеалист исходит из первичности идеи государства, и поэтому вполне естественно, что для него реальные государства не имеют особого значения, хотя он, когда абстрагируется от своей философской позиции и спускается с неба на землю, дает довольно интересный анализ государства, его институтов и учреждений.

Государство для Гегеля не только «шествие Бога в мире», но и определенный политический организм, под которым он подразумевает политический строй. В этой связи немецкий философ касается проблемы разделения властей, но категорически возражает против их абсолютной самостоятельности, ибо, по его убеждению, чрезмерная самостоятельность исполнительной и законодательной властей приводит к разрушению государства. Поэтому все, что не есть выражение разумности, нежелательно для государства. Гегель хочет сказать, что источники закономерного (разумного, на языке

Гегеля) изменения находятся внутри государства, и если на определенном этапе его развития возникает необходимость разделения властей, то это следует приветствовать. Законодательная власть, по его мнению, есть выражение всеобщности, а исполнительная – особенности. К этим двум ветвям власти Гегель добавляет «*власть государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – конституционной монархии*» [Гегель 1990: 311]. Он скептически относится к традиционному делению форм правления – монархии, аристократии и демократии, утверждает, что такое деление в древности было правильным и истинным, ибо государство еще не достигло своего внутреннего различия. Гегель также считает праздным вопрос, какая форма правления лучше – монархия или демократия. По его мнению, все формы правления, не могущие обеспечить свободу субъективности и не соответствующие развитию разуму, страдают односторонностью.

Г. В. Ф. Гегель твердо убежден в том, что не существует такого государственного устройства, которое было бы пригодно для всех народов. Каждый народ имеет соответствующее ему государственное устройство. Наполеон, пишет Гегель, хотел дать испанцам более разумную форму правления, но они ее отвергли, потому что до нее еще не доросли. «...Государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе» [Там же: 315].

Народ должен быть готов к тому, чтобы жить в условиях данного государственного устройства. В противном случае это государство «не будет иметь ни значения, ни ценности» [Там же]. Эта гениальная мысль Гегеля чрезвычайно важна, и ее надо помнить особенно тем государственным деятелям, которые навязывают собственному народу чужие модели государственного устройства.

Анализ различных ветвей власти немецкий философ начинает с власти **государя**. Она представляет собой единство двух моментов – единичного и всеобщего. В этой связи Гегель большое значение придает понятию суверенитета, которое в правовом отношении, как он полагает, есть момент идеальности, а не произвола. Суверенитет осуществляется в рамках принятых законов. Гегель ра-

тует за монарха, право которого якобы основано на божественном авторитете. Что касается народа, то, по утверждению философа, он не сможет жить без монарха. «Народ, – заявляет Гегель, – взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним *расчленения* целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше ни одним из определений, наличных только в *сформированном внутри себя* целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было» [Гегель 1990: 320–321]. Монарх есть олицетворение государства. Он стоит над народом. И в условиях аристократии или демократии, подчеркивает Гегель, должна быть «индивидуальная вершина» в лице государственных деятелей или полководцев, вызванных обстоятельствами и общественными потребностями. Коснемся в этой связи гегелевской концепции роли великих исторических личностей.

По мнению немецкого философа, в ходе истории возникают противоречия между существующими порядками и новыми появляющимися возможностями их изменения. Эти возможности содержат в себе некое всеобщее, то есть нечто такое, что имеет огромное историческое значение. Но оно может быть реализовано только в деятельности личностей, обладающих выдающимися способностями и готовых к реализации всеобщего, то есть общих интересов. Поэтому «историческими людьми, *всемирно историческими личностями* являются те, в целях которых содержится такое всеобщее» [Его же 1993: 81]. К их числу Гегель относит Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона Бонапарта. Относительно Цезаря он пишет, что его намерение стать диктатором Рима было «необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось, таким образом, не только его личным достижением, но и инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременно. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа» [Там же: 82].

Г. В. Ф. Гегель называет великих людей героями, ибо они, по его мнению, появляются вовремя, когда созревают необходимые условия для принятия решительных действий, имеющих всемирно-историческое значение. Вместе с тем они обладают блестящим

умом и понимают, что в данный момент нужно обществу. Они делают своей целью то, что необходимо в настоящее время социуму, в чем давно нуждается сама история. Они лучше постигают суть дела, чем все остальные люди. Таким образом, с точки зрения Гегеля, появление великих людей на исторической сцене необходимо и неизбежно, так как дальнейший прогресс общества становится невозможным из-за накопившихся противоречий между старым и новым. Великий человек разрешает эти противоречия и спасает всех от гибели. Когда цель достигается, отмечает Гегель, то великие люди «отпадают как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров Св. Елены» [Гегель 1993: 82–83].

Философ выступает категорически против психологического анализа деятельности великих людей, против того, чтобы выявлять внутренние мотивы их поступков. Он критикует тех исследователей, которые действия выдающихся личностей объясняют их человеческими качествами. Так, многие утверждали, что у Александра Македонского была страсть к завоеваниям и что поэтому он сначала захватил часть Греции, а затем и Азии. А действия Наполеона I объясняли его амбициозностью и стремлением к захвату власти любой ценой. Великие люди, пишет Гегель, совершают поступки исторического значения. Они вносят существенные изменения во все сферы общественной жизни, затрагивают интересы всех слоев общества. Поэтому естественно, что не все довольны их деятельностью, ведь многие из них приносят в жертву частные интересы во имя всеобщих целей. Возникает соблазн морального осуждения действий великих людей. Гегель считает, что такого рода осуждения неуместны, так как политические поступки осуждаемых носят объективный характер, способствуют прогрессу человеческого общества, и ради этого приходится жертвовать интересами отдельных личностей.

К великим личностям Гегель в первую очередь относит монархов и императоров, поэтому неудивительно, что он придает такое большое значение власти государя. Против его власти, пишет философ, часто возражают, ссылаясь на то, что монарх может оказаться недостаточно образованным или компетентным в решении важнейших государственных задач. Отвечая на эти возражения,

Гегель пишет, что в данном случае виноват не монарх, а несовершенство организации государства. «В благоустроенной монархии объективная сторона принадлежит только закону, к которому монарху надлежит добавить лишь субъективное “я хочу”» [Гегель 1990: 324].

Подводя итоги, можно сказать, что Г. В. Ф. Гегель внес огромный вклад в философско-историческое изучение социального мира, в выяснение диалектики общего и особенного развития исторического процесса по восходящей линии. Примененный им принцип историзма к анализу всемирной истории дает возможность рассматривать прошлое и настоящее как единый развивающийся процесс. Гегелевские идеи очень актуальны и в нашу постмодернистскую эпоху, когда интеллектуальные потенции общества переживают глубокий кризис.

Литература

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 55 т. 2-е изд. Т. 21. М., 1961.

Aron R. Dimensions de la conscience historique. Paris, 1961.

Voltaire. Le siècle de Louis XIV (2). Paris, 1966.